

Среди писателей Осетии всех времен и всех поколений Александр Кубалов занимает особое место. Историки осетинской литературы о его творчестве писали и будут писать еще, потому что не все особенности его художественно-образительных средств — поэта высокой романтики и оригинального драматурга — раскрыты. Нет пока фундаментального исследования всего его творческого наследия.

Но это дело литературоведов. Меня же интересует он, как личность, как человек, сотворивший такие прекрасные поэтические произведения, как «Афхардты Хасанæ», «Амбазыг», трагедию «Фатæг Алгъуыды мæдæт» и другие. Мне приходилось встречаться с ним, и я хочу рассказать, какое впечатление он произвел на меня, тогда еще зеленого юнца, какие черты его облика, характера отразились в моей памяти.

Впервые я встретился с ним в 1926 году. Встреча эта была необычной, — на суде. Он — известнейший во всей Осетии поэт и высокообразованный юрист, я — никому неизвестный малограмотный мальчишка, бывший детдомовец.

Зал заседания народного суда во Владикавказе. Суд должен рассмотреть мой иск к гражданину Ц... (тайком от нас продавшему наш общий с ним дом и присвоившему стоимость нашей части дома).

Небольшой зал был уже полон. Ждали начала процесса, а судьи все не было. Как-то люди (народные заседатели) по одному проходили прямо в двери за судейским столом. В зал вошел пожилой, широкоплечий, немного сутуловатый человек выше среднего роста, с крупными чертами лица. Европейский костюм темно-синего цвета ладно сидел на нем. Левою рукою держал он портфель за угол.

— Кто это? Не судья ли? спросил я рядом сидевшего.

— Нет, Это адвокат Александр Кубалов, — ответил он. — Писатель Александр Кубалов? — переспросил я соседа.

— Да, тот самый, — снова ответил он...

В тот момент я забыл, где я. Зачем пришел. Сразу вспомнилось, как когда-то давно, еще до революции, мой старший брат Алихан, тоже поэт, дома, в Даргавсе, наизусть читал его знаменитую поэму «Афхардты Хасанæ». У меня, тогда еще пятилетнего мальчишка, на голове волосы дыбом стояли. Я словно был заигнотизирован... Образы героев — Хасана и его матери, высоко нравственной и отважной героини Госама, отпечатались на всю жизнь в детской памяти. И думал я тогда, что человек, сотворивший такую легенду, видимо, сам богатый, как нарские

герои. А теперь вот в судейском зале я увидел обыкновенного, смертного человека. Что-то не верилось. Разрушился образ когда-то сложившийся в моем воображении...

Началось заседание суда.

лем. Это чувство мальчишеской гордости, в какой-то мере компенсировало мое поражение.

Прошли годы. В конце тех же 20-х годов из биржи труда меня направили в книжную типографию учеником наборного дела. Жил я тогда в доме адвоката Яралова недалеко от типографии на проспекте. Там же, недалеко, на ул. Советов, в здании СЕВОСНИИ, на втором этаже, размещался Союз писателей. У ворот Яралова я не раз видел Кубалова. В типографию иногда приходили писатели, чьи книги там печатались. Кубалов туда никогда не наведлся.

В памяти осталась еще одна встреча с Кубаловым. Тогда я понял, какой живой интерес он проявлял к осе-

борьбы. Надо быть слепым и глухим, чтобы не видеть и не слышать, как главные герои основных его произведений, Хасанæ и Амбазыг, активно защищают такие общечеловеческие достоинства, как совесть, честь, добропорядочность. Как самоотверженно борются и наказывают людей за такие человеческие пороки, как вероломство, предательство, измена, подлость, хамство и другие пороки.

Беспочвенны были и обвинения его в пренебрежении темой современности. Ряд его поэтических произведений, басен были злободневны. Написал он и динамичную драму о подвигах партизан из Ардона в годы гражданской войны. Собственно, дело даже не в том, на какую тему на-

скромный осетинский стол. Не помню, кто его вел. Сам Кубалов сидел справа от тамады в своем двубортном синем костюме нараспашку. Сидел он молча, но внимательно наблюдал за происходящим. Скупно отвечал на поздравления. На его скуластом румянном лице я не видел ни радостной улыбки юбиляра, не слышал и веселых интонаций в его голосе. Мне казалось, что ничто и никто его здесь не интересует и не радует, и что сидит он здесь только из уважения к собратям по перу, устроившим ему этот вечер. Он не был из тех славолюбцев, которые, оттеснив других, на первый план выставляют собственное я.

Начались тосты — за юбиляра, за литературу... Стол немного оживился. Нам, младшим, преподнесли бокал. Все мы встали.

— Вам, молодым, предстоит двигать дальше осетинскую литературу, прочную основу которой положил великий Нарæг, — сказал Александр, не вставая. — Пишите о том, что вас волнует. Без внутреннего волнения ничего путного не напишете. Здоровья и успехов вам, — заключил он свое слово.

На бокал почтенных старших молодежи не положено отвечать многословно. Мы коротко пожелали Александру крепкого здоровья, долгой жизни и еще много-много таких произведений, как «Афхардты Хасанæ»...

После этого вечера я с ним больше не встречался. Только однажды после открытия Осетинского драмтеатра, где-то перед войной увидел его в кабинете директора театра. Он долго разговаривал с Сарматом Косирати. Речь, очевидно, шла о вышеупомянутой драме о партизане Хадзмате Рамонове...

Вернувшись с войны, я узнал, что Александр Кубалов репрессирован, расстрелян. Причины? Они теперь всем известны. 30-е годы явились трагическими для осетинского народа. Был истреблен почти весь цвет осетинской интеллигенции. Были расстреляны самые умные, самые талантливые люди...

Думая о Кубалове, я иногда ловлю себя на мысли, — если бы он с самого начала своей жизнедеятельности отдавался литературному труду, — какие шедевры художественной литературы обогатили бы нашу культуру!

Асах ТОКАЕВ.

РОМАНТИК ВЫСОКОГО ПОЛЕТА

Вспоминая Александра Кубалова

Первым рассматривается мое дело. Я встал и коротко, как мог, изложил свой иск. С другой стороны зала, напротив меня, стоял ответчик Ц. — Но он молчал. За него против меня выступал его адвокат... сам Кубалов Александр...

Не буду описывать ход рассмотрения дела. Меня, шестнадцатилетнего пацана, смаял знаменитый адвокат... Я проиграл процесс. Это, конечно, для меня был тяжелый удар... удар не только материального характера...

После оглашения решения суда Кубалов сразу ушел из зала. Он куда-то торопился. За ним, опечаленный, вышел и я. Он, не оглядываясь, не обращая на меня внимания, твердым шагом шел в сторону деревянного моста через Терек, к центру города. Я остановился и долго смотрел ему вслед.

О чем я тогда думал? Помню как сегодня, кроме горечи от проигранного дела, что-то еще в душе было, какое-то смутное, но больше светлосе чувствование от того, что я вот сейчас, близко видел и общался с знаменитым писате-

тиской литературе, к тем процессам, которые в ней шли.

Как-то мы с Дабæ Мамсуровым зашли в Союз писателей. Застали там и Александра. Он сидел за столом, а перед ним был только что вышедший номер нашего журнала. Он увлеченно читал чьи-то стихи и тихо повторял: «Хорошо, хорошо, хорошо», потом, очевидно, наткнувшись на плохие строфы, чуть громче и огорченно сказал: «О-ох, напорол»... и, не дочитав до конца, перевернул страницу. Он был строгим ценителем поэзии.

В те годы он сам находился под прессом тупых догматиков и был критиком ими беспощадно за отсутствие в его произведениях социальных мотивов, его обвиняли в том, что он пренебрегает темами современности, что он весь живет в прошлом, что он не советский писатель.

Такая критика, безусловно, была несправедлива, вредна. Вспомним главное его поэтическое произведение — поэму «Афхардты Хасанæ»... Вся она проникнута могучим духом острейшей социальной

писал. Иной посредственный строчкогон — пенкосниматель такое понапишет, так принизит и скомпрометирует эпохальные события, что и в руки брать не хочется такое чтиво. Кубалов же из легенд, из народных сказаний брал, скажем, эпизод, и своим талантом превращал его в сверкающую молнию. На такое не всякий поэт способен. Сие от природы дается!..

Последний раз я встретился с Кубаловым, кажется, в 1931 году. Союз писателей отмечал его 60-летие.

Юбилей был более чем скромный. В небольшой комнате Союза писателей было мало народу. Не было ни президиума (никто из руководства области не пришел), ни доклада о творчестве юбиляра, ни приветственных, ни поздравительных речей. Были только писатели, и то не все. Помню А. Коцюева, Г. Баракова, И. Джанаева, А. Гулуева, С. Косирати, Б. Боциева, К. Дзесова. Из молодых, моих сверстников-друзей пришли Дабæ Мамсуров, Х. Ардасенов, Г. Кайтуков, Т. Джатиев.

Было только обычное